

ЗЕМЛЯ НЕ КОРМИТ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

КОГДА наступила ночь, они притащили меня в большую темную пещеру. Сначала ко мне подошел этот... Ибрагим. Я кричала, дралась...

Старосту охватила легкая дрожь, он впилился глазами в лицо девушки.

— Ну, дальше! Что было дальше? — торопил он. — Говори все, не стесняйся! Считаю, что перед тобой родной отец. Тут все подробности важны. Такое преступление называется лишением невинности. Оно жестоко карается по закону демократов.

— Я кричала не своим голосом. Потом подошел его приятель. Я не давалась им до утра. Когда начало светать, он выхватил нож, заорал: «Эй, шлюха! Мы сейчас тебя убьем». И ножом распорол мои шаровары, потом платье. Все изрезал на куски. Я осталась совсем голая, в чем мать родила. Он собрал лохмотья и бросил в огонь у входа в пещеру. Я кинулась туда, но спасти ничего не смогла.

Староста задрожал еще сильнее.

— Так, — сказал он, — на это тоже есть в законе статья. Никуда не денешься... Пощады не будет. Это очень большое преступление — сжечь одежду невинной девушки и оставить ее голой. Говори, что дальше было!

По мере того как девушка рассказывала, волнение ее улеглось. Она целиком была поглощена своим рассказом.

— Тогда я убежала в глубь пещеры, забила в самый дальний угол. А они смеялись. Потом Ибрагим мне крикнул: «Мы сейчас уходим, а раз ты не захотела по-хорошему со мной, так иди голая в село...» Я думала, что они в самом деле ушли, и вышла из пещеры. Побежала к селу. И тут увидела, что они спрятались в кустах. Выглядывают оттуда и смеются. Я побежала что было мочи. Но они скоро догнали меня. В руках у одного я увидела острый нож. Они схватили меня и снова потащили в пеще-

ру. «Я увел ее для того, чтобы сделать своей женой, — сказал Ибрагим. — Почему она не хочет меня? Вот сумасшедшая!» Когда я увидела его глаза, кровь застыла у меня в жилах. Он клялся, что женится на мне. И я...

Девушка сделала судорожный глоток и остановилась.

Староста поднялся со своего места и снова сел. Щеки его побледнели.

— И ты легла?.. — спросил он сдавленным голосом.

— Ох, как я испугалась его глаз! Он снял с себя пиджак и расстелил на земле. И меня свалил на землю...

— Ты плакала? Не давалась? — спрашивал староста.

— Да, плакала, не давалась... Я говорила: пойді попроси меня у моей матери, у отца. Он не слушал.

— А что он тебе говорил?

— Он совсем помешался, ничего не слушал. Я очень боялась его глаз.

Девушка склонила голову чуть не до земли. Ее красные щеки побледнели.

— Ну говори, говори же! — старосту охватило исступление. — Говори, что было дальше?..

— У меня отнялись руки и ноги, я не могла пошевелиться.

— И ты не двигалась? Совсем не шевелилась?..

— Я закрыла глаза и закричала как сумасшедшая!

— Ну-ка вот здесь расскажи поподробней, все как было. Это очень важно.

— Затем он поднялся и сел рядом. Он тяжело дышал. А у меня руки и ноги совсем потеряли силу.

— Да не то! — закричал староста. — Расскажи, как ты лежала. Это главное. Закон карает как раз за это.

Девушка подняла глаза, удивленно поглядела на Сефера и замолчала. А тот от нетерпения не мог усидеть на месте.

— Когда у тебя отнялись руки и ноги, он опрокинул тебя? А ты лежала голая на спине? Так или не так? И руки твои были у его сосков?

Девушка не отвечала. Мать опять подтолкнула ее.

— Да говори же ты, чтоб тебе умереть! — зашипела она. — Было дело — так чего теперь молчать. Разве можно стыдиться перед лицом властей? Ты все должна рассказывать, тогда он сможет наказать негодяев!

Девушка, вконец смедавшись, подняла глаза, полные невыразимой тоски и молившие о пощаде.

Мать снова сильно толкнула ее в бок.

Девушка заговорила чуть слышным голосом:

— Он лег на меня... Его дыхание обжигало мне лицо. Совсем сожгло. Я не могла шезельнуться. Пальцем двинуть... А душа разрывалась... Я кричала. Он оставил меня в покое. Когда я открыла глаза, увидела: он сидит со мной рядом, а грудь ходунном ходит...

— Он тоже был совсем голый?

— Да, совсем, — не поднимая глаз, пролепетала девушка.

Во рту у старосты пересохло. Он еще и еще раз заставлял ее позторять самые интимные места.

Староста немного удовлетворил свое похотливое любопытство, уселся поудобней, поджал под себя правую ногу и опять начал спрашивать:

— Потом... Что было потом? Я впервые слышу все, что ты рассказываешь. Неужели я мог забыть? Теперь мне ясно, как я с ними расправляюсь! Их нужно повесить!

— Да, мой Сефер-ага, — простонала мать. — Что сотворили с моим дитятей! Говори дальше, дочь моя!

Чалый Исмаил корчился в своем углу, но голоса не подавал.

— Дальше! Дальше! — торопил староста.

— Потом пришел его товарищ. Я не могла двинуться с места, руки и ноги совсем меня не слушались. Тот, Ибрагим, удрал...

— Вот тут ты пропустила, — перебил ее староста. — Тогда ты говорила, что до прихода приятеля он еще раз полез на тебя. Ты стала после этого совсем как мертвая. Было такое, или ты тогда придумала? Ничего не упусти! Нельзя давать разные показания.

— Было такое, — совсем неслышно проговорила девушка. — Я лежала как мертвая. Когда этот подлец удрал, его товарищ стал приставать ко мне. Я плакала, просила его. Но он не посмотрел на мои слезы. И он, как тот... Больше месяца оставалась я в пещере. Они притащили постель. Один месяц они оба сразу... Ведь я не могла убежать, у меня не было одежды. Ночью один спал, а другой сторожил...

У старосты снова пересохло во рту.

— Его тозарищ тоже был голый с тобой, з чема мать родила?

В чем мать родила...

— Дальше!

— А дальше, дядюшка Сефер, в пещеру пришли еще четыре парня. Они дали мне платье и позели в лес Алакемеч. И там оставили, сноза раздели догола. Долго я там пробыла. Потом пришли пять человек, отняли меня у тех четзерых и потащили з Курткойагу. Там на крыше одного дома они забавлялись со мной. Когда пришли парни из Читимогланлы, я очутилась в этом селе. Они дрались там из-за меня, одного даже убили. Жандармы приходили. Один месяц я пробыла у жандармоз. Потом пришел Ибрагим и забрал меня. Он сказал, что я его жена. Он сноза привел меня в пещеру, очень хорошо ко мне относился. Приносил еду хорошую: мед, масло. Я поправилась за этот месяц. Но он все не давал мне одежды. Пять месяцев я ходила голая, в чем мать родила. Из села приходили в пещеру парни и смотрели на меня. Однажды утром я увидела тебя, дядюшка Сефер. Я бросилась к тебе в ноги. Помнишь?..

— Как же не помнить, — с грустью в голосе произнес Сефер. — Ты сидела у входа в пещеру совсем голая. Как увидела меня, бросилась мне в ноги. А ты помнишь, что я тогда сделал?

Девушка подняла на него глаза, полные благодарности.

— Ты снял свою шинель и накрыл ею меня. А потом дал мне одеться...

— А потом?

— До наступления темноты мы оставались в горах. Ты охранял меня, стрелял из своего револьвера. Никто не посмел подойти к нам. Когда наступила ночь, ты привел меня домой...

— А что бы было с тобой, если бы я не пришел и не взял тебя из пещеры?.. Ведь у тебя в животе был уже ребенок!..

— Я умерла бы, наверное! — отвечала девушка. — Замерзла бы...

Староста встал и подошел к Чалому Исмаилу. Тот поднял голову, лицо ничего не выражало, только на глазах блестели слезы. Староста нагнулся и положил руку ему на плечо. Исмаил попытался встать, но не смог. Ему удалось подняться после того, как он с силой оттолкнулся руками от земли.

— Я отнял у этих бандитов твою дочь, и я накажу их, чтобы другим было непозадно заниматься такими делами. Весь мир увидит, как староста, отец своих крестьян, расправляется с негодяями. Ты слышал рассказ своей дочери? И после этого ты предал меня и переметнулся на сторону моих врагов! Ну что ж, иди за ними! Покинь меня, брось своего племянника в трудную минуту!..

— Иди, ступай за Ташбашем! — завопила жена. — И это после всего, что Сефер-эфенди сделал для

тебя и твоей дочери! Но я со своими детьми останусь около него. Пусть мне отсекут голову и выпустят кровь из жил — я не отступлюсь от моего старосты! Слышишь ты меня, Исмаил?

Зная, что крестьяне прислушиваются к этим воплям, Сефер торжествовал.

После Чалого Исмаила он решил посетить Шелудивого Махмута. Махмут всегда разбизал свой шатер вдали от кочевья. Староста решил, что днем он должен обойти крестьян, которые живут в стороне, а вечером — уж тех, кто расположился поблизости, более зубастых.

Он закричал Махмуту еще издали:

— Эй, Махмут! Ты у себя? Я иду к тебе!

Махмут поднялся навстречу старосте, его распирала гордость — сам глаза села удостоил его посещением.

— Ну рассказывай, как поживаешь, сынок? Ходил ли ты на сходку, которую собирал Ташбаш?

— Нет! Нет! — заволновался Махмут. — Даю слово! Я всегда с дядюшкой, с нашим старостой! Где он — там и я... Он мне прикажет: умри не сходя с этого места, и я умру. И семья моя тоже... — В волнении Махмут стал яростно расчесывать свое тело.

Староста не сомневался, что Шелудивый Махмут не осмелится выступить против него, но все-таки зайти к нему, поговорить нужно было. Это нравилось несчастным беднякам.

Жена Шелудивого встревоженно суежилась — им нечем было угостить важного гостя.

Староста заметил ее растерянность.

— Я не засижусь у вас, сестрица. Я зашел только посмотреть, как вы живете-можете. Все еще страдаете от этой проклятой болезни?

Женщина опустила голову. Она была в изодранной одежде, большие черные ноги босы. Дети совсем голые.

— Я пришел тебе сказать, Махмут, что, когда мы вернемся в село, я пойду к начальнику и буду просить его, чтобы тебя взяли в солдаты. Если нужно будет, я прибавлю тебе годков. Там тебя положат в больницу и вылечат. Заработай в этом году побольше на хлопке, а уж я зимой, если буду жив-здоров, добыюсь — отпраздную тебя в армию. Когда придет срок твоего отпуска, пойдешь к командиру и скажи ему: так, мол, и так: дома у меня баба и дети страдают от чесотки еще пуще меня. И командир велит дать тебе бутылочку с лекарством. Ты прие-здишь его домой и будешь мазать жену и детей. И они тоже станут здоровыми. Я выполню свой отцовский долг перед тобой, я устрою тебе это дело. Шестнадцать лет у тебя уже чесотка, не так ли?

Рядом с Шелудивым расположилась Заладжа. Она что-то стирала в тазу. Староста благоволил к этой женщине: ни в какие раздоры не лезет, любит, правда, языком почесать, но в чужие дела не суется. У нее есть кое-какое имущество и немного

земли. Женщина самостоятельная — твердый орешек. Ни мужа, ни детей у Заладжи не было. Муж ее через месяц после свадьбы был отпразднен в Йемен и больше не вернулся. Еще раз замуж она не пошла и сама справлялась с хозяйством: сама сеяла и убирала урожай, сама пасла корову, сама ездила продавать масло, не отдавая ни крошечки, — все копила деньги. На селе она считалась самой денежной. Говорили, что где-то у нее зарыт клад. У братьев ее было много детей, но от тетки им ничего не перепало. Когда она умрет, деньги ее останутся в земле, говорили крестьяне. До последнего времени она держала руку старосты, но сейчас почему-то повернула к Ташбашу.

Была у Заладжи одна слабость — она верила снам. Староста, чтобы сорвать с нее что-нибудь, купил в городе специальную книгу — сонник и заставил писаря Слабого Хакки без конца читать ее вслух, пока не выучил эту толстую книгу наизусть. Каждый раз, когда староста приходил толковать сны, Заладжа выкладывала для него несколько яиц, немного денег, кусок масла, простоквашу, и староста неизменно сулил ей удачу. Крестьяне на этот счет имели свое мнение — они считали, что все доходы этой одержимой женщины идут в карман Сефера.

Сефер остановился рядом с Заладжой. Она не поднимала головы, но он-то уж знал, что она заметила его, когда он еще шел по дороге.

— Эй, Заладжа! Что такое с тобой? Не повернешь даже в мою сторону головы... Что, я твоего отца убил, что ли?

Заладжа холодно ответила ему:

— С какой стати, брат мой, я должна поворачивать к тебе голову, что мне за радость в этом? — и снова склонилась над тазом.

Староста захихикал:

— Крестьяне говорят, что староста обирает тебя. И ты веришь им? Ты ведь знаешь, что эту книгу я ради тебя купил, не пожалел десяти золотых. И два золотых дал писарю за то, что он читал мне ее целый месяц. Для тебя я вызубрил ее наизусть. Только для тебя... Ты даешь мне несколько курушей, два яйца и немного масла, и это значит — я тебя обдираю?.. Если бы не я, ты в тот снежный год вместе со всеми тронулась бы в путь и, как другие, наверное, осталась бы под снегом. Если бы не я, ты, как и все другие, в ту ночь, когда случилось землетрясение, спала бы и наверняка погибла бы под обломками. Я за нашу книгу отдал десять золотых. И два — писарю. А теперь ты отворачиваешься от меня, будто дворцами одарила? Не буду я больше тебе, матушка, толковать сны. Желающих найдется немало... Кучу денег заработаю!

Заладжа уперлась взглядом в старосту, руки ее перестали тереть тряпье.

Сефер вытащил из-за пазухи книгу, вертел ее в руках, гладил.

— Жаль, жаль книгу! — приговаривал он сокрушенно.

Руки Заладжи неподвижно лежали в тазу, она не спускала глаз со старосты, лицо ее постепенно теряло прежнюю суровость. Староста незаметно наблюдал за ней.

— Так и быть, Расскажи свой последний сон, — сказал он с улыбкой. — Растолкую тебе его напоследок.

Заладжа обтерла руки и подошла к Сеферу.

— Умоляю тебя, мой Сефер, не продавай книгу. Зачем тебе продавать ее? Ее ни поить, ни кормить не нужно...

Было ясно, что Заладжа не выдержала борьбы. Уже неделю она не обращалась к старосте, ее сжигало нетерпение.

— Сегодня ночью мне снилось... — начала она, — сегодня ночью мне привиделось, что я была на высокой скале, крутой, каменистой...

— Принеси мне щепотку соли, — перебил ее Сефер.

Заладжа поднялась за солью. Староста взял соль в рот. Он никогда не начинал своего дела, не позолотив руку. «Иначе книга не станет говорить правду», — уверял он.

Лицо Заладжи светилось радостью.

— На вершине горы я нашла огромный-преогромный цветок. Пришел олень, лег под цветок и обернулся юношей. Он приблизился ко мне, взял меня за руку. Вдруг откуда ни возьмись выползла змея и проглотила юношу-оленья. Я закричала от страха. Змея сказала мне: не кричи! Постелила мне мягонькую постель и уложила. Солнце освещало меня. Затем змея легла на меня. Я задыхалась в ее объятиях. Проснулась вся в поту.

Заладжа умоляющими глазами смотрела на старосту. Он переложил книгу из одной руки в другую, закрыл глаза и, раскачиваясь из стороны в сторону, медленно проговорил:

— Видеть во сне гору и себя на ней означает, что ты обладаешь большим имением или находишься под покровительством большого человека, демократа, может быть, старосты и имеешь приличное состояние.

Заладжа вся обратилась в слух. От глаз старосты не ускользнуло ее волнение. Голос его сделался еще проникновенней, он звучал, как грустная песня.

— Увидеть благородного оленя — знак того, что женщина красива и независимо от возраста прельщает мужчин. Зарезать оленя — означает, что она приворожила юношу и тот сгорает от любви к ней. Это знак сладостного соединения, и не быстротечного, а длительного. Аллах посылает тебе надежду, Заладжа. Никогда не надо терять надежду! Все, что тебе снилось, — хороший знак. Увидеть змею и то, как она проглатывает большого оленя, означает, что ты соберешь много хлопка. И деньги, которые

ты получишь за это, преумножатся. Если змея поднялась над тобой и отбросила тень, если она постелила тебе постель, это знак того, что ты будешь иметь блуд с большим человеком, с каким-нибудь агой с Чукуровы. А затем полетишь прямо в рай! Но ты видела, как змея выползает из своей норы. Это говорит о том, что ты причиняешь вред человеку, которому веришь и который к тебе расположен. Это знак того, что если ты еще сделаешь что-то во вред ему, то тебе грозит смерть. Берегись! А проснуться в поту — знак того, что ты стала врагом правоверного мусульманина. И знак того, что ты перестанешь делать ему зло и вернешься на путь истинный. Ты видела оборотня — это говорит о том, что ты следуешь указке плохого человека. Книга говорит, что от этого человека никому не будет пользы, говорит, что он враг крестьян, что он разорит их и сделает несчастными. Но в общем твой сон — предвестие добра и света.

Староста встал, вместе с ним поднялась и Заладжа.

— Подожди, умоляю тебя, у меня был еще один сон... Я тебе не все рассказала...

— Я решил продать книгу, — сказал староста. — Больше она не сможет к добру толковать твои сны.

Радость на лице Заладжи мгновенно погасла. Ее лишили самого дорогого. Это было равносильно проклятию.

— Умоляю тебя, дорогой мой Сефер-ага, не продавай книгу! Я причинила тебе зло, но ты не плати мне тем же. Я поддаюсь наветам твоего врага, была как помешанная. Сейчас я пришла в себя. Не отдавай книгу чужим. Как мне тогда жить? Пусть вытекают мои глаза, если я еще когда послушаю твоих врагов! Они сбили меня с толку.

Староста так и знал, что Заладжа не сможет устоять. Но он не ожидал, что сдастся она так скоро.

— Я вижу, сестрица, что ты искренне раскаиваешься. Не бойся, я теперь не продам. Я решил это сгоряча. Не отдам книгу, если даже дадут за нее тысячу золотых. Разве можно продавать такую редкость? Но ты должна поклясться, что никогда не поддашься уговорам этих собак... Другие твои сны я растолкую тебе после, на Чукурове. А сейчас иди к крестьянам и Расскажи им, что Ташбаш принесет несчастье нашему селу — так привиделось тебе во сне. Змея — это Ташбаш. Он хочет проглотить село. Село — это олень. Поняла меня? Так и объясни крестьянам, чтоб каждый понял. А о книге не беспокойся!..

Уходя от Заладжи, староста говорил про себя: «Эх, Ташбаш! Тебе ли тягаться со мной!»

(Окончание следует)

Перевели с турецкого
Г. Александров и К. Глазунова